

РАННИЙ АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Владимир Иванович Мельник

независимый исследователь
melnikvi1985@mail.ru

Для цитирования: Мельник В. И. Ранний Андрей Белый и преподобный Серафим Саровский (к постановке вопроса) // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2025. № 1 (12). С. 48–64. DOI: 10.31802/WI.2025.12.1.004

Аннотация

УДК 82.091

В статье впервые рассмотрен вопрос о духовном влиянии преподобного Серафима Саровского на одного из виднейших деятелей Серебряного века, поэта и мыслителя Андрея Белого. Анализируются биографические материалы Белого за 1900–1927 гг. Отец Серафим стал прототипом героя «Северной симфонии» старца Иоанна. Поэт посвятил преподобному Серафиму стихотворение «Св. Серафим» (1903). Но главное заключается в том, что религиозный опыт преподобного Серафима, в специфической трактовке поэта, «подпитывает» и формирует его религиозно-философские новации на протяжении многих лет. Влияние преподобного Серафима обусловлено тем, что для Белого он был представителем не теоретического «искания Бога», а молитвенной практики. Молитвенная практика самого Белого имеет истоком обращение к святости преподобного Серафима. Она в значительной степени корректирует пути его богоискательства в начале 1900-х гг. Осознание близости преподобного Серафима как защитника и помощника спасительно действовало на Белого и в целом удерживало его творчество в рамках усвоенного с детства православного мироощущения.

Ключевые слова: Андрей Белый, преподобный Серафим Саровский, религиозные искания, молитвенная практика, творчество.

Andrey Bely and St. Seraphim of Sarov (to the Question)

Vladimir I. Melnik

independent researcher

melnikvi1985@mail.ru

For citation: Melnik, Vladimir I. "Andrey Bely and St. Seraphim of Sarov (to the Question)". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (12), 2025, pp. 48–64 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2025.12.1.004

Abstract. The article considers for the first time the question of the spiritual influence of St. Peter. Seraphim of Sarov refers to one of the most prominent figures of the "Silver Age", the poet and thinker Andrei Bely. The biographical materials of Bely for 1900–1927 are analyzed. Fr. Seraphim became the prototype of the hero of the "Northern Symphony" of Elder John. The poet dedicated the Rev. The poem "St. Seraphim Seraphim" (1903). But the main thing is that the religious experience of the Rev. Seraphim, in the poet's specific interpretation, has been "fueling" and shaping his religious and philosophical innovations for many years. The influence of the Rev. Seraphim is due to the fact that for Bely he was not a representative of the theoretical "search for God", but of prayer practice. The prayer practice of the White Man himself has its origin in the appeal to the holiness of St. Peter. Seraphim. She largely corrects the ways of his search for God in the early 1900s. Awareness of the proximity of the Rev. Seraphim, as a protector and helper, had a salutary effect on Bely and, in general, kept his work within the framework of the Orthodox worldview acquired from childhood.

Keywords: Andrey Bely, St. Seraphim of Sarov, religious quests, prayer practice, creativity.

По признанию исследователей, преп. Серафим Саровский сыграл «исключительно значимую роль в духовном самоопределении Белого в начале 1900-х гг.»¹. Однако ни личностное (непосредственно религиозное), ни творческое отношение поэта и мыслителя Андрея Белого к преп. Серафиму пока не становилось предметом изучения. Даже известные из дневников поэта упоминания о преп. Серафиме не были систематизированы и проанализированы, хотя именно личность отца Серафима во многом была той «закваской», которая формировала религиозные искания Белого. Настоящая статья посвящена постановке вопроса, т. е. самому общему первоначальному приближению к изучению проблемы, систематизации представлений о той роли, которую сыграл преп. Серафим в жизни и, отчасти, в творчестве поэта в это время.

Имя преп. Серафима встречается в записях Белого с 1900 по 1927 гг. Отец Серафим стал прототипом героя «Северной симфонии» отца Иоанна. Поэт посвятил преп. Серафиму стихотворение «Св. Серафим» (1903). Но главное заключается в том, что религиозный опыт преп. Серафима, в специфической трактовке поэта, «подпитывает» и формирует его религиозно-философские новации на протяжении многих лет — во всяком случае до 1912 г., когда он начнёт свои поиски в области антропософии под руководством Р. Штейнера.

Коснёмся сначала систематизации биографических фактов. Интерес к личности преп. Серафима поэту привил его университетский товарищ, «искатель истины в православии, преклонявшийся перед Серафимом Саровским»², Алексей Сергеевич Петровский, о котором в 1931 г. Белый писал: «...ведь мы с Тобой даже и не друзья, а братья; вся жизнь прошла вместе. Недавно долго не засыпал: мысленно вставала жизнь; мысленно озираю ее этапы; и во всех этапах ее стоял Ты уже с 1899 года Ты стал играть большую роль в моей жизни...»³. В своих воспоминаниях Белый писал: «Его дружба со мною была экзаменом, производимым им моей личности»⁴. Петровский был исключительно цельной личностью, переживший обращение от скептического отношения к религии

1 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / сост.: А. В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М. Л. Спивак; отв. ред.: А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев. М., 2016. С. 5.

2 Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 106.

3 Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932. М., 2007. С. 268.

4 Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 11. М., 2015. С. 364.

к глубокому религиозному поиску и желанию посвятить себя монашеской жизни. Весьма характерно, что после окончания Московского университета Петровский поступил в Московскую духовную академию и там сблизился со священником и мыслителем Павлом Флоренским. Сестра Петровского, Елена Сергеевна (в схиме Иоасафа), была монахиней Дивеевского монастыря. Именно благодаря Петровским Белый впервые услышал о преп. Серафиме и пережил сильнейшее увлечение его личностью, причём не только в начале 1900-х гг. Отношения Белого с Петровским, при изучении затронутой нами проблемы, также должны быть определены в их духовно-религиозной и культурной составляющей, однако и этого пока, к сожалению, не сделано.

Влияние преп. Серафима длилось весьма долго. Его имя встречается в записях и письмах Белого с 1900 по 1927 гг. Причём 1919 г. обозначен Белым как «переломный»⁵. И этот переломный год снова связан у него с именем преп. Серафима. Ещё в феврале 1927 г. он признается в письме к Р. В. Иванову-Разумнику, что читает беседу преп. Серафима с Н. А. Мотовиловым: «Живу... самыми неожиданными темами: например, темой — атома; или — темой беседы Серафима с Мотовиловым. Кстати: читали ли Вы брошюру записи Мотовилова своего разговора с Серафимом на тему: «Что есть цель христианской науки»? В ней меня поразил не факт чуда со «светом», а факт огромного ума Серафима. До какой степени Серафим был человек и огромного ума: просто ума»⁶.

Неизвестно, когда именно Белый услышал от Петровского о преп. Серафиме, но однозначно — за несколько лет до прославления святого. Вероятнее всего, и сам Петровский узнал об отце Серафиме от старшей сестры Елены Сергеевны (1878–?), которая сразу после окончания с золотой медалью Московской женской классической гимназии С. И. Фишер ушла в Дивеевский монастырь. Белый вспоминает март 1900 г.: «... с А. С. Петровским мы чаще и чаще беседуем о Серафиме, Сарове, Серафимо-Дивеевской обители, где у него в монашках сестра; я читаю биографию Серафима и все более и более проникаю в дух апокалиптический Дивеева; А. С. переписывается с Дивеевым; так традиция Дивеева начинает входить в мою душу; одновременно: я читаю все, что можно прочесть об Оптиной Пустыни и о старце Амвросии, перечитываю «Братьев Карамазовых»...»⁷. Это время своей биографии сам Белый определяет как «напряжение мистической жизни». Причём суть этого

5 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 506.

6 Там же. С. 449.

7 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. С. 62.

напряжения, судя по схеме, которую Белый нарисовал в письме к Иванову-Разумнику, сводится к постепенному угасанию влияния В. Соловьёва с его идеей «софийности» и замене этого влияния на влияние преп. Серафима, которого Белый обозначает условно как «Христос»⁸. Об этом времени он говорил: «...образ Серафима, как невидимого помощника, вытесняет во мне образ покойного Вл. Соловьёва»⁹. Переход от «мировой души» Соловьёва ко «Христу» преп. Серафима отразился в стихотворении, посвящённом племяннику Владимира Соловьёва — Сергею Соловьёву, с которым Белый был дружен в это время. Стихотворение описывает угасание «софийности», но оканчивается на оптимистической ноте:

Какое грозное виденье
 Смущало оробевший дух...

 Мужайся: над душою снова —
 Передрабсвещный небосклон:
 Дивеева заветный сон
 И сосны грозные Сарова¹⁰.

Какое жизнеописание Серафима читал в то время Белый, нельзя сказать точно. Их к этому времени было уже несколько. Ранние житийные повествования ему были вряд ли доступны. Но в 1880–1890 гг. уже выходило немало литературы о преп. Серафиме¹¹. Осенью 1901 г. Петровский подарил Белому образок Серафима Саровского и «Летопись Дивеевского монастыря», написанную архимандритом Леонидом (Чичаговым)¹²: «Сентябрь... моя встреча с Петровским как-то особенно действительна; мы окончательно сближаемся в теме Православия, в желании искать пути... А. С. меня все более и более посвящает в Саров и в Дивеево; дарит образок Серафима и биографию его, написанную Чичаговым (архим. Серафимом)»¹³. «Летопись Дивеевского монастыря» стала

8 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 493.

9 Цит. по: *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы. С. 96.

10 *Белый А.* Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 268.

11 *Горчакова Е. С.* Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь. С приложением жизнеописаний отца Серафима, иеромонаха Саровского, и матери Александры, первоначальницы Серафимо-Дивеевской общины. М., 1889 и др.

12 *Леонид (Чичагов), архим.* Краткое содержание летописи Серафимо-Дивеевского монастыря с жизнеописанием основателей А. С. Мельгуновой и о. Серафима, иеромонаха Саровского монастыря и подвижника обители. М., 1896.

13 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. С. 69.

для Белого «настойной книгой». В октябре 1901 г. в дневнике снова появляется запись: «А. С. Петровский подкладывает Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря; и с той поры эта книга становится моей настольной книгой; образ Серафима, весь чин молитв его, оживает в душе моей; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что он — тайно ведет меня»¹⁴.

Живой интерес к личности преп. Серафима со временем не ослабевал. «Во втором полугодии 1902 г., — вспоминает Белый в письме к Р. В. Иванову-Разумнику, — усиленно читаю все о св. Серафиме; и чрез опыт “молитв”, установленных Серафимом, впервые внутри молитв имею узвание о том, что позднее откроется, как “Импульс Христа”»¹⁵.

Уже в «Северной симфонии», над которой Белый работал в 1900–1902 гг., образ преп. Серафима нашёл отражение. Как признавался сам автор «Симфонии», «...старец Иоанн, появляющийся на страницах “Симфонии”, сложился во мне под впечатлением наших разговоров с Петровским о Серафиме, Дивееве...»¹⁶. Мотивы творчества Белого в это время сосредоточены вокруг мысли о близости апокалипсиса и необходимости духовного обновления христианства. В этой проблематике образ Христа для Белого был связан с его пониманием преп. Серафима. А. В. Лавров пишет по этому поводу: «Тема Христа, акцентируемая Белым в первоначальной редакции 4-й “симфонии”, стала важнейшей в его внутреннем мире, начиная со второй половины 1902 г. К её раскрытию Белый подошел, пережив сильнейшее увлечение образом Серафима Саровского; откровением для него становится “Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря”, содержащая подробное житие старца-подвижника»¹⁷. Значение, которое поэт придавал личности преп. Серафима Саровского, поясняет письмо к Петровскому от 18 августа 1903 г.: «Несомненно: время Антихриста приблизилось (100, 200 лет, а может, ближе). Мне ясно, что Саровские торжества выяснили одно: конец все-таки близок относительно — ближе, чем думают. Если “Жених грядет в полунощи”, то кто грядет к 11 1/2 часам? Я знаю кто...»¹⁸. Эти важные признания Белого остались без комментария. На наш взгляд, речь здесь идёт о приходе антихриста, после которого должно произойти Второе пришествие Христа. Следует обратить внимание, что почти

14 Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 96.

15 Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 492.

16 Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 71.

17 Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 95–96.

18 Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. С. 33.

все высказывания Белого о преп. Серафиме, Дивееве, «Саровских торжествах» 1903 г. связывают образ Серафима Саровского и идею близкого апокалипсиса и Второго пришествия Христа.

В религиозном мироощущении Белого чрезвычайно сильно проявляются мистические моменты, что затрудняет анализ его мировоззрения. Но ясно, что сдвиг от «софийности» к «Христо-софийности» и, собственно, к Христу пролегал у Белого через молитвенную практику — и именно в молитве, по нашему мнению, он ощущал помощь и руководство преп. Серафима, именно Серафим-молитвенник, Серафим-помощник дорог Андрею Белому.

Общаясь с интеллектуальной элитой Серебряного века (В. Я. Брюсов, З. Гиппиус, С. Д. Мережковский и др.), Белый постепенно от религиозно-мистических восторгов приходит к мысли о молитвенной практике. В этом смысле чрезвычайно характерно его письмо к А. Блоку от 19 августа 1903 г.: «Конечно, центр дела не в петербургских *мистиках-символистах*, подчас остроумно-талантливо передергивающих тексты и на этих передержках строящих замки. Конечно, не здесь центр дела. А в народно воплощенном деле суть. И оно незаметно началось. Суть не в стремлении воспользоваться *нищетой духа* современных официальных представителей Церкви, — *суть в незамутненном главном русле Церкви* — в событиях грядущих, носящихся над Саровом и Дивеевом, где почитает Он — Серафим, склонявшийся всю жизнь у Иконы Матери Божией Умиления — “*Всех Радостей Радости*”, “как он её всегда называл, пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер” (Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря, стр. 207). Стоит только узнать, какими великанами духа был окружен этот великан — маленький тихий старичок, убогий Серафим, чтобы центр исканий перенести от религиозно-философской болтовни в центр *воплощения* — к судьбам *Ее Последней Обители* (к Дивееву). Тут встают образы людей — то как *огненный столб* горящих, то как вознесенное веселье, мчащихся в жизнь бесконечную. Тут дела. А не там дела, где искры несомненных прозрений¹⁹ перемешаны с *позой, сомнитель-*

19 В письме к матери от 1905 г. Белый писал: «...то, что я в религии получил от Мережковских, есть самое главное, что у человека должно быть в жизни. У меня на многое открылись глаза. Первый раз в жизни мои религиозные убеждения вполне закончились и определились. Ведь все иное в жизни — не жизнь. Вот ради спасения своей души, ради воскресения и утверждения истины я и задержался в Петербурге... (...) Ты вот говорила о моей нервности и болезненности и не хотела понять, что эта нервность происходит от моих одиноких, ни с кем не разделенных недоумений. Я религиозно (в молитвах и чаяниях своих) был одинок — пойми это: удивительно ли, что здесь, когда я наконец нашел людей,

ностью, двусмысленностью, так что слова о белых делах раздаются подчас из шафранных болот и трясин ужаса. Серафим, Серафим!.. Только там мир, где тигры и леопарды лапятся, усмиренные у ног, только там счастье, Серафим, где пунцовый огонек твоей лампадки, засвечен пред драгоценной могилой... Серафим, Серафим!.. Только там истина, где серебряная радость уносит! Только там, Серафим, любовь, где твой голос призывно поднимается из бездны безвременья: *“Гряди ко мне, радость моя!..”*. Да. Это так. Милый, дорогой Александр Александрович, не бросайте ни Церкви, ни Соловьевских *“костылей”*. Поддай Боже всем такие *“костыли”*. Христос с Вами!»²⁰.

Следует обратить особое внимание на то, что Белый воспринимает преп. Серафима как сердцевинную часть Церкви, которую не следует «бросать», как образцового молитвенного практика и руководителя его собственной молитвы. Объясняя своё состояние октября 1901 г., он пишет: «...образ Серафима, *весь чин молитв его, оживает в душе моей* [курсив наш — В. М.]; с той поры я начинаю молиться Серафиму; и мне кажется, что он — тайно ведет меня»²¹. К 1901 г. относятся два важных дневниковых пассажа о молитвенной жизни самого Белого — и оба они связаны с преп. Серафимом. Первый относится к ноябрю 1901 г., к скорбным обстоятельствам, связанным с тяжёлой болезнью матери Белого, Александры Дмитриевны: «Ноябрь. Наиболее грустный и, я бы сказал, переломный месяц этого года; состояние маминых нервов стало ужасно; по предложению проф. Снегирева маму поместили в клинику Снегирева; одно время ей угрожала операция; никогда не забуду этого дня; мама вернулась из клиники, сообщая нам, что неизбежна опасная операция; это меня так поразило, что я не мог найти себе места; вечером, затворившись в своей комнате и затеплив свечу перед образом Серафима, я начал молиться ему; молился я подряд несколько часов, прося Серафима помочь маме; и вдруг повеяло ясной тишиной; мне почуялось, будто святой старец со мной рядом; и ясно повеяло от него на меня, что молитва моя услышана и что маме операция не угрожает; на другой день, вернувшись в клинику, мама выслушала от Снегирева решение: операции не быть, потому что настало сильное облегчение болезни;

близких мне, мне трудно с ними расставаться» (Белый А. «Люблю тебя нежно». Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922. М., 2013. С. 51).

20 Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / публикация, предисловия и комментарии А. В. Лаврова. М., 2001. С. 95.

21 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. С. 70.

я скрыл от всех свою молитву Серафиму, но во мне отложилась уверенность, что молитва моя действительно была услышана Серафимом; с той поры я *во всех случаях жизни* [курсив наш — В. М.] стал мысленно обращаться к святому. И иногда перед образом его подолгу молился по вечерам»²².

Второй пассаж, относящийся к этому же времени, содержит уже теоретическое осмысление того духовного перелома, который произошёл в душе и сознании Белого под влиянием преп. Серафима. Молитвенная практика привела поэта к открытию Христа в своём сердце. Этот переворот, переход от абстракции «мировой души» к «Христу в сердце», он прямо связывает с преп. Серафимом: «...мои молитвы и внутренне ощущаемая связь со св. Серафимом, — все это меняет тональность моего религиозного опыта — от инспирации Ею, к интуиции в ... Христе. «Чувство Христа» — вот что прорезывается сквозь экстаз слияния с мировой душой; я внутри себя осознаю, что сквозь экстаз надо пройти, как сквозь врата, чтобы встретиться с Ним у себя в сердце — в за-экстазной тишине; за-экстазная, потусторонняя даль становится мне имманентным откровением о Христе; я постигаю не иконописный Лик Христов, а Лик, встающий в середине своего собственного сердца; эта новая, неожиданная встреча, встреча со Христом, переполняет все дни мои»²³. Белый тонко чувствует своеобразие православия через фигуру Серафима. Молитва Серафима творится «в тишине», отвергая «экстаз». Ожидание Христа — предмет стихотворения «Забота»:

Опять с несказанным волненьем
Я ждал появления Христа.
Всю жизнь меня жгла нетерпеньем
Старинная эта мечта...²⁴

Потрясение от встречи со Христом через посредство преп. Серафима было чрезвычайно сильным. Впоследствии оно вызвало к жизни стихотворение «Св. Серафим» (1903), которое лишь формально приурочено ко времени прославления преп. Серафима, но вызрело гораздо ранее. К 1903 г. Белый имел уже два года молитвенного обращения к Серафиму «тайно», «в скорбях»; стихотворение повествует именно о молитвах поэта к святому:

22 Там же. С. 72.

23 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. С. 77.

24 Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. С. 102.

Плачем ли тайно в скорбях,
грудь ли тоскою теснима —
в ясном небесах
мы узнаем Серафима.
Чистым атласом пахнет,
в небе намотанном.
Облаком старец сойдет,
нежно разметанным.
«Что с тобой, радость моя,
— радость моя?..»
Смотрит на нас
ликом туманным, лилейным.
Бледно-лазурный атлас
в снежно-кисейном.
Бледно-лазурный атлас
тихо целует.
Бледно-лазурный атлас
в уши нам дует:
«Вот ухожу в тихий час...
Снова узнаете горе вы!..»
С высей ложится на нас
отблеск лазоревый.
Легче дышать
после таинственных знамений.
Светит его благодать
тучкою алого пламени²⁵.

В июле 1903 г. в Сарове произошло преп. Серафима. Сам Белый там не присутствовал, но его извещал о событиях А. Петровский в письме от 7 августа 1903 г. Его свидетельства сильно отличаются от общеизвестных, проникнутых праздничным духом: «Во время самых торжеств настроение было очень сложное, преобладал элемент подавленности, оставленности. Мы, а с нами и вся масса богомольцев провела дни 17–19 июля вокруг стен Саровской пустыни, ни разу не проникнув за ограду, я не говорю уже в собор, голодные, неимущие где главу приклонить, ибо в наше время только “лисицы имеют норы”. Одну ночь нас, впрочем, приютил один монах. Очень значительна по глубокой символичности была ночь на 19 июля. В соборе совершалось открытие мощей. Шла

25 Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. С. 94.

всенощная — торжественнейший момент. Вся толпа разместилась у стен, так как внутрь не пускали казаки. (Толпу осаживали, гнали, били — но тут как-то все утихло.) Накупили желтых восковых свечей и зажгли их. Этим мы как бы участвовали в том, что совершалось за стеною, и жаловались Господу Богу на свою участь. Ужасно было сознание, что вот за стеной совершается... Там царь, князья, архиереи... А мы, собравшиеся со всех краев России, нищие, жалкие, оставленные, стоим “вне”, во мраке глубокой ночи (11–12 час.) наши свечи светятся, но не освещают, не разгоняют мрака; но ведь и мы “Церковь”, но “церковь новозаветная, церковь странников и нищих духом”. Замечательно, что той же участи подверглись и те, которые были всего ближе сердцу преподобного Серафима — его Дивеевские сироты — монашенки. Им, конечно, были обещаны лучшие места, пропуски, почести и т. д., а между тем их гнали, били (буквально), никуда не пускали, издевались над ними. Сестра моя, бывшая в числе 150 монахинь Дивеевского монастыря, представлявших на торжествах в Сарове этот монастырь, рассказывала, что она плакала от смертельной тоски и отчаяния: “вскую мя еси оставил”...»²⁶.

В 1904 г., когда схлынули торжества в честь прославления преп. Серафима, Белый с матерью посетил Саров и Дивеево. 12 августа 1904 г. он писал отцу П. А. Флоренскому: «Мы с мамой едем в Саров через Нижний и Арзамас; в дороге начинаются холода; между Нижним и Арзамасом мы встречаем старенького священника; мама берет его с нами в коляску (от Арзамаса до Сарова верст 60 на лошадах); всю дорогу он странно кутается в плед (с головой); в дороге маме начинает казаться, что он странно походит лицом на Серафима. По приезде в Саров священник, поблагодарив маму, скрылся в толпе богомольцев; Саров производит на меня странное, почти тягостное впечатление... очень мне не понравились монахи; на другой день мы отправились к источнику св. Серафима, мама там выкупалась; меня поразили больные, бесноватые, в большом количестве встречавшиеся по дороге к источнику; после мы к вечеру уже поехали в Дивеево; Дивеево, наоборот, произвело на меня сильнейшее впечатление; особенно отметил отсутствие стены у обители и канавка, вырытая Серафимом, обсаженная цветами; вечером у нас в номере сидела сестра А. С. Петровского, Елена Сергеевна, монашка — со своею подругой; обе нам чрезвычайно понравились. Поездка в Саров не оставила слишком глубокого впечатления»²⁷.

26 Дивеевский мартиролог. [Электронный ресурс] URL: <http://izglubinki.ru>. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919. С. 99.

27 Дивеевский мартиролог. [Электронный ресурс] URL: <http://izglubinki.ru>.

Комментарием к этому письму служат другие строки Белого: «Уже веяло златолистием; сжатые нивы пылали; металась по ветру метелки полыни да колко-малиновые помпоны татарников. С матерью в эти дни мы задумывали поездку в Саров; близ Сарова, в обители Серафимо-Дивеевской проживала монашкой сестра Алексея Сергеевича Петровского уже несколько лет; она приобщила его почитанию Серафима; зачитывались мы записками Серафимо-Дивеевского монастыря; и живые традиции Серафима влагались в душу; прообразом чаемой жизни звучал мне Саров, этот явленный многим паломникам Китеж; мне помнится, что в сентябре из Серебряного Колодца (имения нашего) едем мы с матерью к соснам Сарова, к источнику Серафима. Саров оставляет в душе моей нотку какого-то гложущего разочарования: грубость монахов, открыто построивших благополучие жизни на слухах о чудесах, шесть гостиниц, наполненных людьми, все это осталось каким-то базаром; но сосны Сарова и прядающий животворный источник остались в памяти. Наоборот: проведенные миги в Дивееве, впечатление от монашек и впечатление от разговора с сестрою Петровского, милой Еленой Сергеевной, посвятившей себя по окончании гимназии Фишер суровому, монастырскому подвигу, великолепные окрестности и канавка, прорытая самим Серафимом вокруг монастырской обители, не имеющей стен, — до сих пор в моей памяти ясны, светлы. Переживания Шахматова, воскурение ладана пред статуэткой Мадонны связались в сознании моем с днем дивеевской жизни; Дивеево, по преданию, находится под особенным покровительством Богородицы»²⁸.

Белый живо и глубоко воспринимает всё, что касается преп. Серафима и плода его духовной деятельности — Дивеева. Тёплое, личностное переживание молитвы к преп. Серафиму, однажды уже прочувствованное, судя по всему, долго не оставляло поэта. Одно признание Белого показывает, что Серафим научил его более глубокому, живому ощущению христианства — по выражению самого Белого, он научил поэта «христовству»: «... моего “христовства” вместо христианства не понимают они. Во внутренней моей жизни, как никогда, звучат ноты модных Сарова и “Дивеева заветный сон”; почти каждый день, когда все в доме спит, я поднимаюсь на молитву, зажигаю свечечку перед образом Серафима; и — часами молюсь ему; эти часовые моления часто кончаются минутами невыразимого блаженства и тишины; только Петровский смутно догадывается о моих молитвах, но — деликатно не заговаривает со мной о них»²⁹.

28 Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 4. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 104.

29 Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. С. 83.

Конечно, А. Белый — страстный и увлекающийся сиюминутными ощущениями мистик. Молитвенная практика сочеталась в нём с чтением неимоверного количества «модных» книг по философии, религии, психологии и т. п. Всё это он бросал в переплавку для выработки своего религиозного мировоззрения, в котором главную роль играло житнетворчество, что закончилось сначала кратким увлечением теософией, а затем примыканием к учению Р. Штайнера.

В нашу задачу не входит анализ импульсивной логики религиозно-мистической эволюции Белого. Мы хотели бы лишь показать то православное «плато», на которое накладывались духовные искания Белого. Изучение темы показывает, что сочетание «книжности», рационализма, мистицизма и художественного символизма Белого с тёплым, личностным восприятием образа великого русского святого было причудливым и странным. При этом личностное, традиционное восприятие святости преп. Серафима действовало на Белого спасительным образом, питая главное в его религиозной жизни 1900-х гг. — вполне традиционную, православную молитву, отношение к Церкви и храму, интуитивное уклонение от всего духовно тёмного, как это было в декабре 1904 г.: «Я чувствую, что силами молитв, обращенных к Серафиму, я страхнул с себя наваждение; впоследствии этот бой света с тьмою и образы этой борьбы, жившие в моей душе, точно записаны в отрывке N-ой “Симфонии” под заглавием “Синева Господня”: переживания мои отобразились в образе змееборца, трезубцем света пронзившего “гада”; эту борьбу я ощущал так: сквозь Брюсова, как сквозь медиума, на меня действовали силы “Древнего Дракона”; я должен был воззвать к силам Архангела Михаила и этими силами уничтожил действие в себе “гада”. Борьба — измучила меня...»³⁰.

Православие, усвоенное с детства, и преп. Серафим как один из главных для Белого его представителей, было той основой, которая духовно удерживала поэта от бесплодных и опасных духовных экспериментов. Сближаясь с С. Мережковским, З. Гиппиус, Белый оставался в основе своей человеком православной традиции, что очень пронизательно отметил в своём отзыве на его «Северную симфонию» отец Павел Флоренский. При сравнении двух поэм («Лестница» А. Мировпольского и «Северная симфония» Белого) отец Павел пишет: «...“Лестницу” Мировпольского можно назвать поэмою антихристианского позитивизма. “Симфонию” же Белого — поэмою мистического христианства...

поэму А. Белого законно назвать “поэмою мистического христианства”. Опять-таки, это название я даю вовсе не в зависимости от содержания поэмы: я знаю, что некоторые даже восстанут против неё, считая её нехристианской, и это ничего не будет доказывать. Основное настроение А. Белого является существенно христианским...»³¹.

В поэме, как уже говорилось, присутствует и образ преп. Серафима. В своих материалах Белый обозначает старца Иоанна (Серафима), действующего в поэме, как «символ эсотеризма», тайного знания, не подлежащего рациональному анализу. В чём же он видел этот «эсотеризм» у преп. Серафима? В необъяснимой силе его молитв, в творимых им чудесах. Вот почему он говорил о «всем чине молитв» преп. Серафима.

В таком восприятии духовного опыта преп. Серафима у Белого был один большой изъян. В силу сложившихся в начале 1900-х гг. обстоятельств Белый (да и многие из его окружения люди), находясь во внутренней оппозиции к официальной Церкви, увлечшись богоискательством, «выхватили» из всего сонма русских святых именно преп. Серафима, чьё имя готовилось Церковью к прославлению в лике святых. Серафим предстал как «герой-одиночка», чей опыт был освоен богоискателями вне знания церковных догматов и вообще всего богатейшего духовного опыта Русской Церкви. Этот «герой-одиночка» неизбежно должен был быть противопоставлен этим кругом людей официальной Церкви (отсюда, например, такое восприятие «Саровских торжеств», жизни Саровского монастыря и пр.). По сути, это было полужнание, на основе которого воздвигались масштабные религиозно-философские конструкции. Наиболее трезвомыслящие и с детства укоренённые в православии богоискатели чувствовали чуждость фигуры преп. Серафима новейшим интеллектуальным поискам в духовной области. В этом смысле характерна поэтесса Аделаида Герцык, несколько лет пытавшаяся встроиться в ряды учеников Штейнера. Её православная вера, напряжённый духовный поиск, отличались особым целомудрием и прикровенностью. 16 августа 1913 г. она пишет В. С. Гриневич: «Вчера по приезде взялась за “Серафима” Маргариты [книга Маргариты Сабашниковой «Серафим Саровский» — В. М.] и прочла всю книжечку не отрываясь. Есть ли она у тебя? Прислать тебе? И впечатление, несмотря на художественность изложения, осталось неприятное, мучительное. Чувствую, что нельзя так писать о подвижниках, покрывая их святое, смиренное, непонятное нам житие своими толкованиями, теософскими теориями, ссылками

31 Флоренский П. А., свящ. Богословские труды (1902–1909). М., 2018. С. 61.

на Штейнера. Хотя она, конечно, во всем права какой-то безнадежной правдой и верностью, но не радует её “мудрость” в применении к Серафиму, и хочется думать, что было в нем что-то еще главное и сокровенное, что осталось непонятым и закрытым для нее... Как распадается самая идея и душа православия от соприкосновения с теософией!»³².

Несмотря на всю искажённую картину восприятия духовного опыта преп. Серафима в плане своих богоискательских идей, Белый в 1900-е гг. сумел сохранить живое ощущение его святости. Он глубоко ощутил на себе и молитвенную помощь отца Серафима и, может быть, многое другое, о чём мы не знаем и о чём свидетельствуют лишь многолетние умиленные молитвы поэта перед образом преп. Серафима. Важно то, что именно преп. Серафим помогал Белому оставаться в основе своей не просто христианином, а православным христианином. Православный образ мышления проявляется во многих произведениях Белого, как, например, в стихотворении «Во храме», написанном накануне прославления преп. Серафима в июне 1903 г.:

Толпа, войдя во храм, задумчивей и строже...
Лампад пунцовых блеск и тихий возглас: «Боже...»
И снова я молюсь, сомненьями томим.
Угодники со стен грозят перстом сухим,
Лицо суровое чернеет из киота
Да потемневшая с веками позолота.
Забил поток лучей расплавленных в окно...
Всё просветилось вдруг, всё солнцем зажжено:
И «Свете тихий» с клиросов воззвали,
И лики золотом пунцовым заблистали.
Восторгом солнечным зажженный иерей,
Повитый ладаном выходит из дверей³³.

К сожалению, влияние преп. Серафима на Белого не было абсолютным. Многие для поэта изменилось после встречи с Р. Штейнером в 1912 г. После этой встречи Белый освоил и другие молитвенные практики³⁴,

32 «...Неповторимый в своих сочетаниях момент». Письма А. К. Герцык к родным и друзьям / вступительная статья, составление, подготовка текста, публикация сотрудника Дома-музея М. И. Цветаевой Т. Н. Жуковской, примечания Н. А. Богомолова и Т. Н. Жуковской. Послесловие Н. А. Богомолова // Новый Мир. 1999. № 5. С. 182.

33 *Белый А.* Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. С. 72.

34 *Шмитт А.* Концепция «самосознающей души» Андрея Белого: синтез ранней рецепции Канта с учением и эзотерической практикой Штайнера // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2020. Т. 24. № 2. С. 201–218; *Казачков С.*

что описано им в работах «На перевале. Кризис культуры»³⁵, «Кризис мысли»³⁶ и др. Соответственно менялось и его творчество. Блестящее по глубине и технике, по интуитивным прорывам, оно показывает Белого как личность, лишённую, по сути, духовного пути. Критик В. Пискунов отмечает, что вышедший в 1922 г. в Берлине сборник «Звезда», отразивший духовные поиски 1914–1918 гг., впервые в творческой практике Белого «лишен какой-либо внутренней организации»³⁷.

Изучение художественного и религиозно-философского наследия Белого только начинает разворачиваться. В этих условиях делать какие-либо глобальные выводы о его учении слишком рискованно. Настоящая работа является лишь первым приближением к вопросу о духовном влиянии преп. Серафима и самого факта прославления святого в 1903 г. на одного из виднейших деятелей поэзии Серебряного века. Независимо от своеобразия духовных и творческих поисков Белого, интересен сам факт столь серьёзного и плодотворного воздействия, которое оказал на него преп. Серафим. К сожалению, даже в рамках взятой проблемы и хронологии многие аспекты темы остались незатронутыми и требуют дальнейшего углублённого изучения. Но это уже предмет другой работы.

Источники

- Андрей Белый. Автобиографические своды. Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / сост.: А. В. Лавров, Дж. Малмстад; науч. ред. М. Л. Спивак; отв. ред.: А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев. М.: Наука, 2016. (Литературное наследство; т. 105).
- Андрей Белый и Александр Блок. Переписка 1903–1919 / публ., пред. и комм. А. В. Лаврова. М.: Прогресс-Плеяда, 2001.
- Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.
- Андрей Белый — Алексей Петровский. Переписка. 1902–1932. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Белый А. Кризис мысли // На перевале. Берлин; М.; СПб.: Гжебин, 1923. С. 69–144.
- Белый А. На перевале III. Кризис культуры. СПб.: Алконост, 1920.

«Медитацией укрепленные мысли...»: на подступах к пониманию внутреннего развития Андрея Белого // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики / под ред. К. Кривеллер, М. Л. Спивак. СПб., 2015. С. 27–79.

35 Белый А. На перевале III. Кризис культуры. СПб., 1920.

36 Белый А. Кризис мысли // На перевале. Берлин, М., СПб., 1923. С. 69–144.

37 Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. С. 16–17.

- Белый А. «Люблю тебя нежно». Письма Андрея Белого к матери. 1899–1922. М.: Река времён, 2013.
- Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы. М.: Республика, 1994. С. 16–17.
- Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 4. Воспоминания о Блоке. М.: Республика, 1995.
- Белый А. Собрание сочинений в 14 т. Т. 11. М.: «Дмитрий Сечин», 2015.
- Герцык А. К. «...Неповторимый в своих сочетаниях момент». Письма А. К. Герцык к родным и друзьям / вступительная статья, составление, подготовка текста, публикация сотрудника Дома-музея М. И. Цветаевой Т. Н. Жуковской, примечания Н. А. Богомолова и Т. Н. Жуковской. Послесловие Н. А. Богомолова // Новый Мир. 1999. № 5. С. 156–184.
- Горчакова Е. С. Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь. С приложением жизнеописаний отца Серафима, иеромонаха Саровского, и матери Александры, первоначальницы Серафимо-Дивеевской общины. М.: Типография Снегиревых, 1889.
- Дивеевский мартиролог. [Электронный ресурс] URL: <http://izglubinki.ru> (дата обращения 22.10.2025).
- Флоренский П. А., свящ. Богословские труды (1902–1909). М.: ПСТГУ, 2018.
- Леонид (Чичагов), архим. Краткое содержание летописи Серафимо-Дивеевского монастыря с жизнеописанием основателей А. С. Мельгуновой и о. Серафима, иеромонаха Саровского монастыря и подвижника обители. М., 1896.

Литература

- Казачков С. «Медитацией укрепленные мысли...»: на подступах к пониманию внутреннего развития Андрея Белого // Андрей Белый: автобиографизм и биографические практики / под ред. К. Кривеллер, М. Л. Спивак. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 27–79.
- Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. Жизнь и литературная деятельность. М.: Новое литературное обозрение, 1995.
- Шмитт А. Концепция «самосознающей души» Андрея Белого: синтез ранней рецепции Канта с учением и эзотерической практикой Штайнера // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2020. Т. 24. № 2. С. 201–218.